

*Пётр, Ева и Саша
Немировские*

**ЧТОБ ВЫ МНЕ
ВСЕ БЫЛИ!**

В. Сорокин

Peter Nemirovsky

Eva Nemirovsky

Sasha Nemirovsky

Что бы вы мне все были!

So That You All Would Be with Me!

Edited by Sasha and Eva Nemirovsky

Translations by Eva Nemirovsky

Illustrations:

Front cover:
Vladimir Yakovlev. "The Flower"

Back cover:
Alla Viksne. "Peter Nemirovsky". 2023

Natalya Konyusheva: "The Nemirovsky Family". 1987
(fragment)

"Inna" by Peter Nemirovsky. 1958

Papa in 2022 by Sasha Nemirovsky

ISBN 979-8-3507-2955-9

© Eva and Sasha Nemirovsky, 2024; All rights reserved
<http://www.nomer.us>

© Woodside Publishing, Woodside, CA. USA
email: editor@westcoastlit.com

ISBN 979-8-3507-2955-9

90000>

9 798350 729559

Table of Contents

Папа Петя | Papa Peter 5

(Written by Sasha Nemirovsky
Translated by Eva Nemirovsky)

Инна | About Inna 33

(Written by Peter Nemirovsky
Translated by Eva Nemirovsky)

Сироты | Orphans 44

(Written by Sasha Nemirovsky
Translated by Eva Nemirovsky)

Картошка с селёдкой | Potatoes with Herring 46

(Written by Eva Nemirovsky)

Папа Петя | Papa Peter

«Все мы родом из детства». Это не моя фраза, это цитата из Сент-Экзюпери, которую я часто слышал от папы. Но я не буду погружаться в события прошлого века. Это невозможно, как невозможно описать разностороннего, удивительно образованного, культурного, умного и светлого человека, каким был мой папа Петя. Толстые мемуары – это не ко мне. Скорее отдельные, яркие фрагменты воспоминаний, которые не должны кануть в лету, потому что они актуальны до сих пор: Повороты моей жизни, которые случились благодаря или вопреки моему родителю и которые вылились, повлияли на людей или на события, оставив в них свой след. Результаты этого влияния живы и сегодня и, надеюсь, пребудут ещё долго во мне, в детях и, возможно, в человеческой культуре.

Фрагменты эти не расположены по хронологии, они скорее тематические, хотя времени обязательно надо давать какие-то цифры, ибо только одетая в даты, история обретает свою полную форму.

“We all come from childhood.” This is not my phrase, but rather a quote from Antoine Saint-Exupéry, which I often heard from my father. But I will not dive into the events of the last century. This is impossible, just as it is impossible to describe the versatile, amazingly educated, cultured, intelligent and bright person that was my papa Petya. Thick memoirs are not my style. Rather, I prefer to highlight the individual bright fragments of memory that should not sink into oblivion, because they are still relevant: The turns of my life that happened thanks to or in spite of my parent and which then spilled over to influence other people or events, leaving their mark on them. The results of that influence are still alive today and, I hope, will remain for a long time in me, my children, and, perhaps, in human culture.

Each fragment is accompanied by a preface. These fragments are not arranged chronologically, but rather, thematically, although some must absolutely be given their numbers, because only in dates does history take on its full form.

1.

Москва, конец 60-х в стране, которой больше не существует. Папа работает инженером в станкостроительном институте. На работу нельзя опаздывать, жёсткая пропускная система, поэтому детей сдают в садик при его работе перед её началом (как говорит папа – «не работы, а службы») и забирают после её конца. Я болтаюсь сонным хвостиком за ним утром и усталым хвостиком – вечером и мы общаемся. Мы говорим обо всём без типичного для многих взрослых подхода «подрастешь – поймешь». У нас нет секретов. Кроме главного: всё, что мы обсуждаем никогда не произносится в детском садике или, уже после, в 70-е годы – в школе. Так я расту человеком с двойным дном, одно для всех, а другое для правды. Фасадом в советскую власть, а душой в реальность. Это разделение – первая и самая главная вещь, которой я обязан своим родителям. Это, наверное, и есть самое начало моей эмиграции из Союза, начало отъезда, который сам по себе случится ещё не скоро, но подготовка к которому, как оказалась, велась с детства. Не знаю до сих пор, отдавал ли папа себе в этом отчёт? Но по-другому он не мог. Он же всегда разговаривал с детьми на равных. Как с взрослыми. Много, много позже, я обратил внимание, что он и с моими детьми говорит и ведет себя как с равными ему взрослыми. А дети такое ценят. Очень ценят.

Своей любовью к поэзии я обязан своему папе Пете. Наши родители живут в нас, и часто мы любим или не любим то же, что они любили или не любили. Папа любил стихи и разбирался в них превосходно. Еще в детстве, в мои школьные серые советские времена, он познакомил меня со своими любимыми поэтами, выраженными в их лучших вещах. А вкус у Папы был отменный. Он читал мне на память: «придается всё,

*лишь тебе не дано примелькаться»¹. Или же «шёл я по улице
незнакомой и вдруг услышал вороний грай»², или многие другие,
не менее прекрасные вещи. Строки эти во мне, в ребёнке,
застревали, звучали, крутились, накатывали музыкой и
образами. Позже, где-то уже в седьмом классе школы, они
вызрели и начали перерождаться уже в мое собственное
творчество, написанное на другие темы. Точно так, как
цитировал мне папа «от мамки рвутся в тьму мелодий. Так
начинают жить стихом.»³ Папа Петя всегда был и остаётся
моим первым и главным критиком. Я показывал ему новое, ещё
не отлежавшееся, произведение, он читал и быстро и точно
говорил: «Очень! Надо печатать», либо он молчал. Ну не мог же
мне папа сказать гадость? Он молчал. И никогда не ошибался,
ни в первом, ни во втором. Спасибо тебе, папа, за подаренный
мне мир поэзии!*

Иногда, спотыкаясь о запах варёного кофе,
я попадаю в наше обычное утро.
Глушилка борется с радиостанцией «Немецкая Волна»,
твой набитый портфель,
темнота
за окном.
За чертой подоконника косо летящая пудра
снега. До дна
обжигающий лёгкие морозный вздох. Пешком,
торопливо догонять трамвай
и успеть ввалиться, подтянувшись за поручень.
Стукнуться в расстояния между сумками
и прочими
вещами. (В духоте толпы сразу теплее).
Варежкой отскрябанный край

¹ Борис Пастернак – «Морской мятеж»

² Николай Гумилев – «Заблудившийся трамвай»

³ Борис Пастернак

непрозрачных стекол в морозном рисунке.
И смотреть, смотреть, как ночь становится посветлее.

На завтрак делались бутерброды,
иногда ленивые вареники
со сливочным маслом.
Я входил в садик, как в непогоду,
съёжившись от детской вражды, ожидая ненастья.
Глушилка хрипела «Голосом Америки».
Кофе, прыснув,
шипя, заливал конфорку.
И бесконечная жизнь не имела смысла.

Сейчас, когда взгляд упирается в переборку
авиалайнера,
летающего над Атлантикой,
я понимаю тебя гораздо больше.
Мы жили в рамках, следуя правилам,
глупым, как стало понятно намного позже.
Романтика
оставалась уделом книжек,
собранных в домашние библиотеки
так, что обоев на стенах было не видно.
Что-то всё-таки из нас вышло.
При взгляде в прошлое, по крайней мере, не стыдно.

Мне, наверное, уже никуда не деться,
не сойти с вектора, начатого морозной ночью.
Я прохожу площадью.
Я вкладываю записку в стену.
Калифорнийскому солнцу не озарить детства,
как на твою любовь не поставить цену.

Late 60s Moscow in a country that no longer exists. Dad works as an engineer at a research institute. You can't be late for work, as there is a strict access system, so children are dropped off at kindergarten at work just before it starts—as dad says, “not work, but service”—and picked up after it ends. I dangle behind him like a sleepy tail in the mornings and as a tired tail in the evenings and we

communicate. We talk about everything without the typical “when you’re older, you’ll understand” that most adults employ. We have no secrets. Besides the main one, of course: nothing that we discuss is ever said in kindergarten or, later, in the 70s, in school. Thus, I grow up as a person with a dual foundation, one for the everyday man, and the other for truth. The façade under Soviet power, but the soul for reality. This separation is the first and most important thing that I owe to my parents. It is also probably the very beginning of my emigration from the Soviet Union, though the event itself does not happen soon, but the preparations for which, as it turns out, have been going on since childhood. To this day I don’t know if my dad gives himself credit in this, but I know it couldn’t have gone any other way. After all, he always talked to children as equals. Just as if they were adults. Much, much later, I noticed that he spoke and behaved with my children that way too. And children appreciate this. They appreciate it very much.

I owe my love for poetry to my papa Petya. Our parents live in us, and often we love or dislike the same things that they loved or did not love. My dad loved poetry and he excelled at understanding it. Even as a child, in my gray Soviet school days, he was introducing me to his favorite poets, expressed in their best works. And Papa had excellent taste. He would read to me from memory: “everything become ordinary, when you’re not allowed to get familiar”⁴; or “I was walking along an unfamiliar street and suddenly I heard the call of a crow,”⁵ or many other, no less beautiful things. These lines stuck with me as a child, they sounded, swirled, rolled with music and images. Later, somewhere in the seventh grade of school, they matured and were reborn into my own work, written on other topics. Exactly how my dad quoted to me, “from my mother, melodies burst into the darkness. This is how they begin to live in verse.”⁶

Papa Petya has always been and remains my first and foremost critic. I would show him new work that had not yet even been put to cool, and he would read it and quickly and accurately said:

⁴ Boris Pasternak – “Marine Mutiny”, translation by Eva Nemirovsky.

⁵ Nikolai Gumilev -- “The Lost Tram”, translation by Eva Nemirovsky.

⁶ Boris Pasternak – “Marine Mutiny”, translation by Eva Nemirovsky.

“Very! We need to print,” or he would be silent. My dad just couldn’t say anything nasty to his son, could he? He was silent. And he was never wrong, neither in the first instance or the other. Thank you, papa, for giving me the world of poetry!

Sometimes, stumbling over the smell of brewed coffee,
I find myself back in our typical morning.
The jammer warring with the “German Wave” radio
station,
your overflowing briefcase,
darkness
outside the window.
Behind the window sill, falls crooked powdery
snow. A frosty sigh that burns
your lungs to their depths. On foot,
rushing to catch up with the tram
just in time to fall in, pulling yourself up by the handrail.
Knocking your head in the space between bags
and
other
things. (It’s immediately warmer in the stuffiness of the
crowd).
Scraping with mittened fingers the edge
of opaque glass in a frosty pattern.
And watching, watching, how the night turns to light.
Sandwiches were made for breakfast,
sometimes lazy dumplings with butter.
I entered kindergarten as one would bad weather,
cowering from childish enmity, expecting that awful
climate.
The jammer wheezed with the Voice of America.
Coffee, splashing,

Hissing, flooded the burner.
And endless life had no purpose.
Now, when my gaze runs into the bulkhead
of an airliner,
flying over the Atlantic,
I understand you much more.
We lived in the margins, following the rules,
stupid ones, as it became clear much later.
Romance
remained the lot of books,
collected in home libraries
such that the wallpaper on the walls was invisible.
Something did come of us.
In retrospect, at least, there is no shame.
By now, I probably have nowhere else to go,
but to stay the course started on a frosty night.
I pass the square.
I fold a note into the wall.
The California sun cannot illuminate childhood,
just like no price can be placed on your love.

2.

Когда дело касалось любимых и близких, папа был очень сильным. Так, например, он смог меня защитить от жестокого советского образа жизни тогда, когда я был молод и неопытен. Он не только научил меня разделять, что можно говорить, и что нельзя. Не только с кем дружить, и с кем не надо даже знакомиться. Но и как их распознать. Или как зарабатывать на жизнь так, чтобы работать и честно, и интересно в рамках данной реальности. Работа, говорил мне папа, должна отвечать трём критериям. Сама работа не должна быть противной, зарплата нестыдной, а люди, с которыми ты работаешь вместе – быть приличными людьми, с которыми можно обсуждать не только работу. Он научил меня программировать, а дальше – я уже сам пошёл дальше. Главное, он научил меня работать на пятерку, добиваясь результата,

который удовлетворял бы, прежде всего, самого главного заказчика – меня!

Папа в жизни ребенка — это определяющая фигура. Если мама — это сама любовь, и прежде всего любовь, то папа — это все остальное. Папу боятся по малости и по глупости, пока не поймут, что папа — это тоже любовь, только в другой форме, и ничуть не менее сильная, чем материнская. Папа меня научил главному — как уметь дарить себя людям. Я только не самый быстрый ученик оказался. А вот папа не уставал показывать мне это своим примером и даже сейчас, сегодня, обучение тому, как любить людей, продолжается. Любовь, она всегда переживает смерть. Количество людей, любивших и до сих пор помнящих папу — огромно! Ему было достаточно провести с человеком вечер, два, встретиться несколько раз всего или даже один раз, и люди его больше никогда не забывали. Папа Петя — как светлячок по ветке проходил по жизням, делая их легче и ярче. Это талант, который мне, к сожалению, не передан. Но будем стараться, надеюсь, что время на самосовершенствование в жизни ещё есть. Был ли папа старым? Нет. К счастью нет, никогда он так и не постарел. То есть тело его, конечно, состарилось, наши биологические машины не вечны, а вот дух его так и остался в возрасте молодого но, уже мудрого человека, полного жизни и желаний.

ВОЗРАСТ

Сперва тихо.
А потом звук ходунка,
скребущего, невзирая на свежие мячики
на лапках.
Лихо
по имени время. Робко так
сначала целует пальчики
морщинками кожи,
потом память — заметками в тетрадке.
Боже,
куда я её положил с вечера?
А солнце уже шумит

на терраске
на цветке январском,
где жужжит
шмель, беспечно
размешивая краски
дня.

Тапочками шаркая,
подобраться к прилавку кухни.
Огня.
Сварить что-то на завтрак.
Мир не рухнул?
Новости — не вникая в событий пляску,
в мельканье кадра.
Дряхлость —
это из намеренного — внезапный вычет.
Потому-то теперь и крадёшься мимо,
любующься, лишь бы не спугнуть.
Это ещё молодость, когда ловля птичек
не требует грима.
Согнуть
бы себя, подобрать ур^оненное,
пропавшее.
Развернуться бы к ней лицом, переиначить важное
за собой.
Кроме
сил, не оставшихся,
на что ещё надежду потратить, если не на любовь?

When it came to his loved ones and close friends, papa was very strong. For example, he was able to protect me from the strict Soviet way of life when I was young and inexperienced. He not only taught me to distinguish between what can be said and what cannot be said, with whom to be friends, and with whom you don't even need to get acquainted, but also how to discern between the two. Or how to earn a living in such a way as to work both honestly and interestingly within the framework of this reality. A job, my dad would tell me, must meet three criteria: the work itself should not be disgusting, the salary should not be shameful, and the people with whom you work should

be decent people with whom you can discuss not only work. He taught me how to program, and then I took it further. Most importantly, he taught me to work at my absolute best, achieving results that would satisfy, first and foremost the most important customer, myself!

A father is a defining figure in a child's life. If a mother is love itself and above all else love, then a father is everything else. Children might fear their father while they are small, and know no better, until they understand that a father is also love, only in a different form, and no less strong than a mother's. My dad taught me the most important thing: how to give yourself to people. I just wasn't the fastest student. But dad never tired of showing me this by example, and even now, today, the lessons of how to love people continue. Love always survives death. The number of people who loved and still remember my dad is enormous! It was enough for him to spend an evening or two with a person, meet a few times in total or even just once, and people never forgot him again. Papa Petya walked through lives like a firefly along a branch, making them easier and brighter. This is a talent that, unfortunately, was not passed on to me. But we will try, and I hope that there is still time for self-improvement in life. Was dad old? No. Fortunately, no, he never aged. That is, his body, of course, grew old—our biological machines are not eternal—but his spirit remained at the age of a young yet wise man, full of life and desires.

AGE

Quiet, firstly.

And then the sound of a walker,
scraping, despite the fresh balls
on its paws.

An evil

known as time. So timidly at
first, it kisses the fingers
then the wrinkles of the skin,
then memory—with notes in a notebook.

God,

where did I put it since the evening?

And the sun is already noisy
on the terrace

on a January flower,
where buzzes busy
a bumblebee, carefree
smearing the paints
of the day.

Slippers shuffling,
get to the kitchen counter.
Fire.

Cook something for breakfast.

Has the world collapsed?

News—without delving into the dance of events
within the clicking camera frame.

Decrepitude –

This is from the intentional—a sudden deduction.

That's why you're sneaking past now,
you love so much, you're afraid to scare.

It's still youth, when catching birds
does not require makeup.

Oh to fold in

on yourself,

to pick up what was dropped,

or is missing.

To turn around and face her, change the important
that followed behind you.

Except the

strength, of which there is no more,

What else can you spend your hope on if not on love?

3.

Среди папиных привычек, на особом, почётном месте стояла пунктуальность. Он никогда не опаздывал, если его ждали и, соответственно, ожидал такой же «вежливости» от других. Как он рассчитывал время, трафик, одному богу известно, но если мы его ждали в момент икс, то он приезжал точно в это время. И никогда не делал из своей точности большого события. Молчаливый пример звучал

громче слов. Позже, когда он уже не водил машину, а только всё мечтал сесть обратно за руль, он потерял эту точность. Но в то время и тело уже не слушалось, и время уже не поддавалось учёту.

ВЕСНА

На ходунке опять пора менять мячики.
Февральская простуда, вроде бы, отступила.
Настоящее теперь меньше прячется
в прошлом.
Невозможная
эта зима, похоже, отлила
свои циклоны, мощные,
в обрывах электричества,
в наводнениях,
в холодах.
Это всё мгновения,
и какое бы ни было их количество, —
они не имеют значения.
Редко стали приезжать внуки.
На днях,
правда, повидал младшую — прелестница!
Из остальных развлечений — чтение
по-прежнему не подводит.
Библиотека скрашивает невозможность уехать.
По хорошей погоде,
самому положить бы руки
на руль, отклонить креслице,
и возраст — не помеха, —
нажать и полететь по незнакомым местам.

Страница почему-то пуста.
Перечитать снова.
О чём? Вот тут пятно на краю листа.
И ещё одно на штанах —
обнова, —
подарок от дочки.
Может быть, заглянет поближе к ночи.

Она всегда в делах,
в беготне.
Я в её годы — тоже без сна.
Надо же, какая птица в окне!
И впрямь — весна!

Among my father's habits, punctuality had a special place of honor. He was never late if he was expected and, accordingly, expected the same "politeness" from others. How he calculated time and traffic, only God knows, but if we expected him at moment X, then he arrived exactly at that time. And he never made a big deal out of his accuracy. A silent example sounded louder than words. Later, when he no longer drove a car, but just kept dreaming of getting back behind the wheel, he lost this precision. But at that time the body no longer obeyed, and time could no longer be counted.

SPRING

It's time to change the walker's balls again.
The February cold, it seems, has faded.
The present is now less hidden in the
past.
Impossibly
this winter seems to have split
its cyclones, powerful,
into power outages,
into floods
into the cold.
These are all moments
and whatever their number,
they don't matter.
Grandchildren begin to visit rarely.
The other day, true, I saw the youngest—she's a charmer!
Out of the other forms of entertainment, reading
has yet to fail.
The library masks the inability to drive away.
In good weather,
I wish I could put my own hands
on the steering wheel, tilt the seat,

and, age being no hindrance,
press and fly to unfamiliar places.

For some reason the page is empty.
Read it again.
About what? There's a stain here on the edge.
And one more on the pants –
again –
a gift from my daughter.
Maybe she'll look in on me closer to tonight.
She's always swept up in her “things”,
in a rush.
At her age, I also couldn't sleep.
Wow, what a bird in the window!
And really, it's spring!

4.

Среди последних уроков и уже «оттуда», Папа научил меня смирению. Научил принимать вещи, которые мы не можем изменить. Так что когда настанет время, и когда Всевышний и мне скажет «Пора!», то пусть тогда моим детям будет не за что себя упрекнуть. Пусть их не гложет, что они что-то, где-то, когда-то сделали не так и что это, сделанное иначе, могло бы продлить моё страдающее существование.

Детям

Когда я уйду, я не оставляю вам чувства вины.
Только дом,
где под каждым гвоздём
заколочен мой дух.
Я не буду врываться, ломать ваши нежные сны
неизведанным «если» — одно выбирая из двух.
Ваши годы и дни
Мне видны

на ладони веков.
Сочетаньем непрух
и везений ложится судьба.
Я уйду, чтоб остаться легко
в ваших чутких сердцах,
где мерцать светлячком,
где добавить морщинку у лба.

Я уйду, не оставив вам чувства вины,
лишь слова,
чтоб они пронизали теплом
так, как будто я сам
обнимаю руками.
Вы одни
навсегда. Только всё ж не одни!
Пусть вам будет светло,
а молчанье моё в небесах
не грохочет грозою над вами.

Among the last lessons my dad taught me in life, and from beyond, already, he taught me humility. He taught me to accept the things that we cannot change. So that when the moment comes, and when the Almighty says to me, "It's time!", then let my children have nothing to reproach themselves for. Let them not be bothered by the fact that they did something, somewhere, at some point, that was wrong or that, if they had done differently, could have prolonged my suffering existence.

To My Kids

When I leave, I won't leave you with feelings of guilt.
Just a house,
where under every nail
my soul rings true.
I won't burst in, breaking your tender dreams
of unexplored "what-ifs" – choosing one of two.
Your days and years

I can see
on the palm of centuries.
The combination of bad
and good luck, lies with fates.
I'll leave, so that it's easy to stay
in your sensitive hearts,
where I'll flicker as a firefly,
or add a wrinkle to your brow.
I'll leave, without leaving you feelings of guilt,
just words,
may they permeate you with warmth
as if I were myself
there to hold you in my arms.
You are alone
forever. Yet still not alone at all!
May there be light for you,
and my silence hanging heavy in the clouds
doesn't clang thunder over you.

5.

Рафинированный московский интеллигент, папа Петя всегда что-то читал. И даже в последние месяцы, когда он уже не мог навигировать в компьютере, он читал. Читал всё подряд, иногда доставая с полки ещё незнакомую или наоборот, давно любимую книгу. Одной из самых, если не самой любимой папиной книгой был роман «Мастер и Маргарита». Он находил в нём цитаты по разным случаям. Но одну из таких цитат я слышал от него очень часто: «Да, человек смертен, но это было бы ещё полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен». Именно так он и ушёл от нас. За неделю до моего 60-го дня рождения. Ушёл как праведник, быстро, внезапно, оставив меня навсегда безутешным.

РЕ МИНОР

С горем каждый в конце один на один.
Отражается свеча от седин.
Со смертью каждый в конце на «ты».
Сердце – лишь ёмкость
для пустоты.
На полную громкость
шёпот последних слов
в память вбит.
Сучит беспомощная любовь
и течёт гранит.

A refined Moscow intellectual, Papa Petya was always reading something. And even in his last months, when he could no longer navigate the computer, he read. He read everything in a row sometimes, taking out from the shelf an as of yet unfamiliar or, on the contrary, an old favorite book. One of my father's most, if not the most, favorite books was the novel "Master and Margarita." He took quotes from it on many occasions. But one of these I would hear very often: "Yes, man is mortal, but that would only be half bad. The really bad thing is that sometimes he is suddenly mortal." That's exactly how he left us. A week before my 60th birthday. He left like a righteous man, quickly, suddenly, leaving me forever inconsolable.

D Minor

With grief, at the end, everyone is one for one.
The candle reflects in grey hair when we're done.
With death, at the end, everyone is "just you".
The heart, is but a room
for our blue.
At a full boom
the whisper of last words
hammers in memory.
helpless love flits like birds
and granite flows by gravity's trajectory.

6.

Это общеизвестно, что полной смерти нет. А есть лишь переход в другое состояние. Тела, да, они не вечны, но мы, как духовная форма жизни, — пребудем. Контакт не прерывается. Папа послал мне поздравление ко дню рождения уже оттуда. Дело было так. Я получил от него сообщение, пришло оно в мою почту где-то ещё в апреле, за 4 месяца до смерти. Папа писал по-русски. Но пока его сообщение прошло через мобильный телефон и пришло ко мне в почтовый ящик, оно стало нечитаемым. Тогда, в апреле 23-го, я его открыл и пытался и так, и эдак подобрать кодировку шрифта, чтобы прочитать текст, но так и не смог. Выглядело его письмо как марсианские иероглифы. Нечитабельно. Непонятно. Но вдруг, сразу после похорон, я напарываюсь на это по-прежнему непрочитанное сообщение, и оно магически открывается, и каракули превращаются в текст. Вот в этот: «Я тебя обнимаю, мой дорогой! Будь, чтоб у тебя все было прекрасно!»

Папа был удивительным человеком в своих отношениях с моими детьми. Наша семья потеряла обеих бабушек, ещё когда мои дети были маленькими. Дедушка Петя заменил им и бабушек, и дедушек. Вовлеченность папы в жизнь семьи была огромной. Он вкладывал себя во внуков без остатка и без компромисса. Потому-то, наверное, так и тяжела потеря, что ушёл не старый, дряхлый человек, а ушёл дорогой друг и внимательный собеседник. Человек, с которым сначала можно было обсуждать школьные проблемы, потом выбор профессии, учёбу в университете, отношения с девушками или просто игру в футбол. Я понимаю, что моим детям повезло. Но повезло и мне. Мне не надо было решать проблему отцов и детей. Когда они стали взрослыми, я вдруг увидел, что их система ценностей близка к моей. Близка потому, что папа смог донести до внуков то, что мне, как родителю, в детей было бы вложить очень не просто. В том возрасте, когда это закладывается, меня бы просто не услышали. А ему вот удалось.

МОЛИТВА

Господи! Ты дал мне
и ты отнял.
Придавлен —
стою, шатаюсь,
и шепчу: «понял, внял»,
а сам ведь ничего не знаю.
Пуст.
Выжжен.
Произношу звуки, слов
не слыша.
Уже без чувств
кадиш мямлю.
А хочу-то, ведь, только любовь.
А мечтаю —
только бы не потерять.
Но как жить начать, если – мёртв?

Господи, ты даешь и ты отнимаешь.
Знаю,
твоя мудрость непостижима,
но пряжа моей вины и боли —
зачем, если не накрывать ею позор нелюбви?
Зачем в горле ком?
Зачем воля,
если не выбирать из жизни выход?
Все ж, не сорви,
проходя, цветок до срока. Лихо
не допусти в дом.

Господи, ты мне показывал,
но я ничего не видел!
Всемогущий,
ты мне говорил, только я не слышал.
Разные
разорваны теперь путеводные нити.
Нету дня —
тишина, мгла опущена.

Узнаю ли, что ты простил меня,
потому, когда свет забрызжет?

It is common knowledge that there is no such thing as a complete death. Only a transition to another state of being. Bodies, yes, are not eternal, but we, being a spiritual form of life, will remain. The connection goes uninterrupted, even in death. Dad sent me birthday well-wishes already from beyond. Here is how it happened: I received a message from him, it arrived in my email somewhere back in April, four months before his death. Dad wrote in Russian. But by the time his message passed through my mobile phone and arrived in my inbox, it became illegible. Back then, on April 23rd, I opened it and tried this way and that to find the right font encoding to read the text, but I couldn't. His writing looked like Martian hieroglyphics. Unreadable. Unclear. But suddenly, right after the funeral, I come across this still unread message, and it magically opens, and the scribbles turn into text: "I hug you, my dear boy! May everything be excellent for you!"

My dad was an amazing person and his relationship with my children was astonishing. Our family lost both grandmothers when my children were young. So Grandpa Petya stepped up, replacing both grandmothers and grandfathers for them. Dad's involvement in the life of the family was enormous. He invested himself in his grandchildren without reserve and without compromise. That's probably why the loss is so heavy, because it's not an old, decrepit person who has left, but a dear friend and attentive conversationalist. A person with whom you could discuss first school problems, then those of choosing a profession, what to study at university, relationships with girls, or even just playing soccer. I understand that my children are lucky. But I was lucky too. I didn't have to solve the problem of fathers and children. When they became adults, I suddenly saw that their value system was close to mine. It's close because my dad was there to convey to his grandchildren what would have been very difficult for me, as a parent, to impart. At the age when I would have needed to do this, they simply would not have heard me. But he succeeded.

PRAYER

God! You gave to me
and you took it away.
Pinned down –
I stand, staggering,
and I whisper: “I understand, I realize,”
while truly I know nothing.
Empty.
Scorched.
I vocalize sounds, words
without hearing.
Already without feeling
I mumble Kaddish.
But I only want, after all, love.
And I dream –
just not to lose it.
But how can you start living if you are dead?
God, you give and you take.
I know,
your wisdom is incomprehensible,
but the yarn of my guilt and pain –
why, if not to cover the shame of neglect with it?
Why is there a lump in my throat?
Why free will
if you can't choose the exit out of life?
Please, don't rip it out,
in passing, a flower before its time. Don't let
the Evil into the house.
God, you showed me
but I didn't see anything!
Omnipotent,
you told me, but I didn't hear.
Different,
The guiding threads are now torn.
There is no day –
silence, darkness has fallen.

Will I ever know that you've forgiven me,
there, in the way that light will flicker?

7.

Поставить точку никак нельзя. Папа живёт здесь: во мне, в нас, в вас, мои дорогие друзья, и поэтому он пребудет. Именно так и пребудет, в точном соответствии с его заветным тостом, который он, вот уже 3 года, с тех пор как у него нашли рак, произносил, как мантру за каждым застольем, за каждой краткой встречей, где поднимался бокал или рюмка. «А вы мне все будьте! Чтоб вы мне были!» – и эта мантра, безусловно, была и остается рабочей формулой.

ФОРМЫ ЧУВСТВ

Моя любовь на лезвии ножа
для резки таблеток.
Моя нежность на нитках шва,
стянувшего твою пижаму на два размера.
Моя надежда, что клетка
твоей души раскроется ещё не сегодня,
уронив дверцу.
Моя вера,
что ржа
твоего возраста сколь угодно
толстая, не помешает
глазам говорить от сердца.

Мы уплываем в вечность.
Медленно уплываем в вечность
на парусах неподотчётного смеха
хороших воспоминаний. Чем-то
наша похожесть
перемешивает чувства
так, что перспектива одиночества вне
их уже не гложет,
а лишь саднит смутно,

неясно.
Мои огрехи
давно прощены. Ты продолжаешься во мне
и, безвластное,
время — не существует.

There is no way to put the period down. Dad lives here: in me, in us, in you, my dear friends, and therefore he will remain. This is exactly how he will remain, in exact accordance with his cherished toast, which he, for three years now, since he was diagnosed with cancer, has been pronouncing like a mantra at every feast, at every short meeting where a pint or glass was raised. "May you all be with me! So that you would all be with me!" – and this mantra, of course, was and remains our working formula.

THE SHAPE OF FEELINGS

My love is an acrobat teetering on a beam
across a pit of age and time.
My tenderness is on the strings of the seam,
that sinches your pajamas down two sizes.
My hope is that the cage
around your soul will not open today,
the door falling off.
My trust
that the rust
of your age, however
thick it is, won't get in the way
of the eyes to speak from the heart.

We are floating away into eternity.
Slowly, we are floating away into eternity
on the sails of uncountable laughter
from good memories. Somehow
our similarity

mixes feelings
such, that the prospect of loneliness
is past the point of gnawing,
but only stings mere,
unclear.
My misdeeds
long since forgiven. You continue on in me
and, powerless,
time does not exist.

8.

P.S. Я дописываю эти заметки пару недель спустя, когда на нашу семью обрушилось второе несчастье — ушёл из жизни папа Миша. Ушёл рано, после долгой болезни, прежде срока, ещё молодым. Ушёл в канун Рош Ашана, как и положено умирать любимцам Всевышнего. Но остался вопрос — за что вот так с разницей в 3 недели, в один месяц Элул, последний месяц еврейского года, да по одной семье? Два праведника, дарящих себя без остатка людям и близким, и далёким. Они дружили, два деда в одной семье. Вспоминаю их вместе по праздникам, сидящих рядом за столом или стоящих рядом на фотографиях плечом к плечу. Они оба любили всевозможные встречи, ценили общение и, безусловно, уважали друг друга. Оба они и Петя и Миша были молодыми душой. Есть такое понятие, возраст человека в душе. По этому критерию возраст Миши был где-то лет 35-40 а возраст папы Пети 30-35. Так они и ушли, не состарившись ни на один день. Такими они и остались в новой жизни, уже там, в тонком мире, про который мы мало что знаем объективно, а только остро чувствуем органом тела, который не имеет названия в медицинской латыни.

РОШ АШАНА

Ты не умер — уехал.
Этот жаркий Элул

пахнет терпким вином в недопитом стакане.
Мы по разным домам. Только эхо
звучит непрерывно,
отражая от стен гул
твоих набегающих слов из эфира.
Я живу в твоём мире,
в вещах, в их названьях,
в разбросанных книжках, в развалинах
сказанных слов и историй.
Согрет кашемиром
любви.
Я с тобой говорю и просторы
обсуждаемых тем — безграничны.
Ответы твои
нахожу я в различных
событиях,
в небольших изменениях, в тех, что обычно
не происходят. И нити
меж нами
не знают ни времени, ни расстоянья.

Лишь одежда твоя висит без движенья,
да закладка — всё в той же странице,
да молчит телефон.
Я живу в твоём мире его продолженьем
и мне прошлое снится,
как грядущего фон.

P.S. I am finishing these notes a couple of weeks after, when a second tragedy befell our family—Papa Misha passed away. He left early, after a long illness, before his time, still young. He left the morning before Rosh Hashanah, as the favorites of the Almighty are supposed to go. But the question remains: why this with a difference of only three weeks, in the one month of Elul, the last month of the Jewish year, and one family? Two righteous people who gave themselves without reserve to people both near and far. They were friends, two grandfathers in the same family. I remember them together on

holidays, sitting next to each other at the table or standing shoulder to shoulder in photographs. They both loved any chance to see each other, valued each other's company and, of course, respected each other. Both of them, Petya and Misha, were young at heart. There is such a thing as the age of a person by his soul. According to this criterion, Misha's age was somewhere around 35-40 years old, and Petya's was 30-35. And so, they left, not having aged a single day. This is how they remain in their new life, in the beyond, the thin world, about which we know little objectively, but feel acutely with an organ of the body that has no name in medical Latin.

ROSH HASHANA

You didn't die – you changed the status quo.
This hot Elul
smells of tart wine in an unfinished glass.
We are in different houses. Only the echo
rings on masse,
reflecting off the walls the bellow
of your words rushing from the ether.
I live by your tether
to the things, to their names,
to the scattered books, in the ruined frames
between the spoken words and stories thereof.
Warm with the cashmere
of love.
I'm talking to you and the magnitude
of topics discussed are beyond multitude.
Your answers
I find in the extent
of events,
in small changes that usually
don't happen. And the twine
between our minds
knows neither time nor space.
Only your clothes hang without motion;
Yes, the bookmark is still on the same page,

Yes, the ringtone has stopped.
I live in your world as its continuation
and I dream about the past age,
as a coming backdrop.

(Woodside, CA, 28.08.23 - 19.09.23)

Инна | Inna

Preface.

My grandfather loved his wife more than almost anyone or anything else in the world. When she passed, I'm told he was never the same. That his personality mellowed, and that he began to dote on his grandchildren like never before. I have very few memories from before she passed, as I was only four years old when she died. I remember playing with her glass figurines (I was always very careful, despite my clumsy nature in all other aspects of my life), I remember my first trip to the zoo (I begged endlessly to go on the train through the center of the zoo), and I remember going to see her in the hospital before she died. All I know of my babushka, I know from my grandfather. And though I did not know the man he was before she died, I know the man he became. A man who loved his grandchildren ceaselessly, and saw in them the pieces of his wife that he missed terribly.

When I was sixteen, he gifted my grandma's jewelry collection to me. Not all of it was to my liking, but a vast majority was. His eyes glistened when he saw her rings on my fingers and her pendants hanging from my neck. So, I asked him which was his favorite. And then I asked him which ones he bought her. And then I asked him where. And that tumbled into a series of questions and answers about Inna that I realized were poking out at the seams of my grandfather's memory, waiting for a single question to bring them to the surface.

My grandfather had to entirely reinvent himself when his wife died. He was unmoored, his anchor sunk to the bottom of the sea, the rope connecting them snapped by sickness. She was a huge part of him, and he loved her always, and spoke of her always, even when his own memory began to fade, the image of his wife was crystal clear.

Peter's Words:

I've long promised to tell you about your grandma Inna, although I must say that the word "grandmother" does not really suit her...

My mother Zhenya studied at the Kyiv Conservatory. Living in Kyiv, she became close to Inna's grandmother Sasha and grandfather Abram. Inna's father Sasha ¹ died in the war², so she and her mother, Rima, lived with her grandparents. They all lived in a monstrously inconvenient, but separate (without neighbors) apartment at the very beginning of the main street in Kyiv: Khreshchatyk (so named in ancient times because this street abuts the Dnieper River, in which the residents of Kyiv were baptized when Christianity first came to Ukraine, then Kyivan Rus, in 988 C.E.).

In 1955, the USSR celebrated the tricentenary anniversary of Ukraine's entry into the USSR/Russian Empire³, and at the end of the season (in June) the Bolshoi Theater went on tour to Kyiv. Mom visited grandpa Abram and grandma Sasha and there met Ella⁴ and Inna. She invited both girls to visit us in Moscow. Ella didn't go, but Inna came for the academic winter holidays from January through February of 1956. It was a very cold winter that year. Inna was wearing nylon tights, in which she was of course freezing, and for the life of me I couldn't figure out how to keep her warm. She was lucky that she didn't get sick. While she was there, we went to the Bolshoi and other theaters and museums. I introduced Inna to my closest friends, Seva Osver, Lenya Kranzberg and Rudik Botner. The holidays passed quickly, and she returned home. In that interlude came a period of correspondence, not unlike in the movies and books, and in the summer of 1957, I came to Kyiv for the first time, and I loved it there incredibly.

In the summer of 1958, after graduating from university, I went to Sochi with Lenya and Rudik, and Inna met us there. Our next

¹ In the Russian language, "Sasha" is a gender-neutral nickname for both Alexandra and Alexander. You will find that Alexander/ra is a family name along both sides of my lineage, and it will appear often in this text.

² This would have been World War 2, during the German invasion of Russia in 1941.

³ My grandfather would use USSR interchangeably for what he understood to be "Russia", especially since the boundary lines have changed much throughout history as empires rose and fell.

⁴ Ella was Inna's older sister, and like another grandmother to me and my brothers. She passed away in 2013 from a heart attack, after surviving breast cancer (twice). She and my grandfather were fast friends, especially after Inna's death.

meeting took place in January 1959 and in that January, on the 25th, we got married. I was already working in my assigned position at a military plant in Dolgoprudny (assignment work for at least 3 years was mandatory for all full-time students), where I had to get to from our home in Moscow. The commute took at least an hour and a half by a combination of subway, train, and on foot. The plant produced surface-to-air missiles. I ended up staying in Dolgoprudny for 6 years and left there for full-time graduate school at the Moscow Machine and Tool Institute⁵. While Inna, despite her diploma with honors, could not get a job: as soon people found out that she was Jewish, she was refused. Even though she stood out her enormous affinity for mathematics, which she adored.

When she was in her 5th year of university at Kyiv, she met professor Samuil Davidovich Berman, invited from Uzhgorod University, who taught her advanced algebra. Having learned that she was moving to Moscow, he told me that it would be a great shame if she were not able to realize her colossal potential in mathematics, given the serious everyday life difficulties that she would face if she got married. I promised to do everything possible so that these difficulties would not interfere with her. Inna moved in the summer of 1959; but no one would hire her due to her being Jewish. So it was that my father's connections, who worked in the ministry of defense and thus knew various generals, came to the rescue.

In the end, she was hired at the Zhukovsky Air Force Academy in the radio engineering department as a junior researcher, where she worked for 3 years. Already in the 2nd year of work, she published a work in the proceedings of the academy related to applications of advanced algebra to the theory of error correction in information transmission. The work was noticed by a certain Lev Borodin, who worked at the Institute of Radio Engineering and Electronics (IRE) of the USSR Academy of Sciences, and offered for Inna to collaborate. Soon Lev managed to drag Inna to IRE where she ended up in the laboratory led by Vladimir Ivanovich Siforov, known for his work in the field of noise suppression. Soon thereafter, Siforov was offered the position of director of the Institute for Information Transmission

⁵ Now known as The Moscow State University of Technology "STANKIN"

Problems (IPPI) of the USSR Academy of Sciences after the death of the previous director, Kharkevich.

Siforov invited Inna to move to the new institute with him, and Inna agreed, ending up in the laboratory of the prominent scientist Mark Semenovitch Pinsker, a specialist in statistical methods in the field of information theory. Despite switching institutes, she continued to collaborate with Berman. Soon, Inna defended her Ph.D. dissertation at the IRE in her fifth year of work after graduating from the university (one of the copies of her dissertation is kept in my storage closet at home). Inna worked at the IPPI until our emigration, becoming first a senior and then a leading researcher. As an academic, she was distinguished by her ability to always follow the logic of the problem being solved. She frequently found any inconsistencies in the work of her colleagues, which her colleagues noticed such that she was often asked to find “holes” in works set to be published or in speeches at seminars (the seminars were held weekly, and their attendance was mandatory, but otherwise she could work from home). In 1963, we had your dad. Inna and I first lived with my parents, but soon my father managed to get a room for us in a two-room apartment in a house owned by the Ministry of Defense on the embankment called M. Gorky (now Kosmodemyanskaya). From that apartment we moved to a three-room cooperative apartment near the Yugo-Zapadnaya subway station when Sasha⁶ was five years old. When we left this apartment, it was to emigrate to the United States in 1992.

At first, we had a hard time: Sasha rented us an apartment on Main Street, in Redwood City, on the 3rd and last floor above a store. The roof warmed up quickly in the California sun, and it would become stuffy; there was no air conditioning, there was no work for either Inna or I, except for taking care of your oldest brother. Eventually Inna began giving math lessons for a ridiculous pittance of money which was impossible to survive on. But then there was a chance encounter at the synagogue that changed the direction of our life.

In Beth ‘Am, Inna got into a conversation with a woman, Barbara Illovsky, who turned out to be a mathematician working at De

⁶ My father.

Anza College, and they so happened to need a mathematics teacher for one quarter. We immediately rented the apartment in Cupertino and moved into it. Inna was hired for only one quarter, but at the end of it the contract was extended for another, and this went on for ten years. In the end, Inna was offered a permanent position, but by that time she was terminally ill and could not take advantage of it. Inna became such a friend with Barbara that she invited Inna to work in her office, where Inna had a desk. Inna became friends with several other of the teachers, too. Many people liked Inna's friendliness and open disposition. Unfortunately for us, Inna's disease (soft tissue sarcoma) progressed, and on May 18, 2005, she passed away.

Although that brings us to the end of her life, I would like to say more about Inna's extraordinary sense of responsibility and her efficiency. Teaching in a foreign language, the everyday conversational diction of which you don't really know much, is very difficult, especially since Inna, being a highly educated mathematician, taught all courses, including mathematical statistics and mathematical analysis. The only course she didn't teach was "Differential Equations," simply because it wasn't offered. But there were difficulties with mathematical statistics, because a very large part of this course consists of "everyday" conversations. Inna would write down her lecture, memorize it, rehearse it by ear (with the same Barbara's help) and only then read it in the lecture hall. Inna's lessons on all the courses she taught including detailed exercises, many of which she came up with herself, have all been preserved. She was known for her completely non-trivial and out-of-the-box thinking, which made it possible to involve the student audience in the lecture process. Her classes were always overcrowded.

Peter Nemirovsky:

Я давно тебе обещал рассказать про Инну, твою бабуку (хотя надо сказать, что слово «бабушка» к ней подходит мало... Моя мама Женя училась в Киевской консерватории. Живя в Киеве, она сблизилась с Иниными бабушкой Сашей и дедом Абрамом. Иннин отец Саша погиб на войне, а мама Римма жила вместе с родителями. Жили они все в чудовищно неудобной, зато отдельной (без соседей) квартире в самом начале главной

киевской улицы – Крещатика (названной так в незапамятные времена, потому что эта улица упирается в Днепр, в котором крестили жителей Киева, когда на Украину (тогда Киевскую Русь) в 988 г. пришло христианство).

В 1955 году в СССР широко отмечалось трехсотлетие вхождения Украины в состав СССР, и в конце сезона (в июне) Большой Театр приехал на гастроли в Киев. Мама навестила деда Абрама и Сашу и познакомилась у них с Эллой и Инной. Пригласила обеих девочек в гости в Москву. Элла не поехала, а Инна приехала на зимние студенческие каникулы в январе-феврале 1956 г. Стояла очень холодная зима, на Инне были капроновые колготки, в которых она мерзла, а я не мог сообразить, как ей утеплиться. Повезло, что она не заболела. Мы ходили в Большой, в другие театры и музеи. Я познакомил Инну с моими ближайшими друзьями, Севою Освером, Леней Кранцбергом и Рудиком Ботнером. Каникулы пронеслись быстро, потом настал период переписки, а летом 1957 г. я впервые приехал в Киев, понравившийся мне необычайно.

Летом 1958 г. по окончании института я вместе с Леней и Рудиком поехал в Сочи, туда же приехала Инна. Следующая наша встреча прилась на январь 1959 г. В том январе, 25 числа мы поженились. Я уже работал по распределению (работа по распределению не менее 3 лет была обязательна для всех студентов-очников), местом моей работы был военный завод в г. Долгопрудный, куда приходилось добираться от нашего дома полтора часа на метро, электричкой и пешком. Завод выпускал ракеты типа «земля-воздух». Я в итоге проторчал в Долгопрудном 6 лет и ушел оттуда в очную аспирантуру в Московский Станко-инструментальный институт. А Инна, несмотря на диплом с отличием, никак на работу устроиться не могла: как только выяснялось, что она еврейка, ей отказывали. Инна отличалась колоссальными способностями в математике, которую она обожала.

Когда она училась на 5-м курсе, в Киевском университете преподавал высшую алгебру профессор Самуил Давидович Берман, приглашенный из Ужгородского университета. Узнав, что

она переезжает в Москву, он сказал мне, что было бы очень обидно, если бы ей не удалось реализовать свои колоссальные способности в математике, учитывая серьезные бытовые жизненные трудности, с которыми она столкнется, выйдя замуж. Я обещал сделать все возможное, чтобы эти трудности ей не помешали. Инна переехала летом 1959 г., на работу ее никто не брал, узнавая ее еврейское происхождение. На помощь пришли связи моего отца, работавшего в системе Московского Военторга и знакомого с разными генералами.

В конце концов ее устроили в Военно-Воздушную академию имени Жуковского на кафедру радиотехники на должность младшего научного сотрудника, где она проработала 3 года. Уже на 2-м году работы она опубликовала в трудах академии работу, относящуюся к приложениям высшей алгебры к теории корректирования ошибок при передаче информации. Работу заметил некто Лев Бородин, работавший в Институте радиотехники и электроники (ИРЭ) Академии наук СССР, и предложил Инне сотрудничество. Вскоре Лева удалось перетащить Инну в ИРЭ, она оказалась в лаборатории, руководимой Владимиром Ивановичем Сифоровым, известным своими работами в области подавления шумов. Довольно скоро Сифорову предложили должность директора Института проблем передачи информации (ИППИ) АН СССР в связи со смертью директора этого института Харкевича.

Сифоров предложил Инне переходить вместе с ним, и Инна согласилась, оказавшись в лаборатории крупного ученого Марка Семеновича Пинскера, специалиста по статистическим методам в области теории информации. Сотрудничество с Берманом она не бросила. Вскоре в ИРЭ Инна защитила кандидатскую диссертацию, это было на пятом году ее работы по окончании университета (один из экземпляров ее диссертации хранится у меня дома в кладовой). В ИППИ Инна проработала вплоть до эмиграции, став сначала старшим, а затем ведущим научным сотрудником. Как ученого ее отличало умение всегда следовать логике решаемой проблемы. Она находила любые нестыковки в работах коллег, что было быстро замечено ими, и ее очень часто просили найти «дыры» в публикуемых работах или в

сообщениях на семинарах (семинары проходили еженедельно), их посещение было обязательным, а работать можно было дома. В 1963 г. Инна родила твоего папу. Мы с Инной сначала жили у моих родителей, но вскоре отцу удалось получить комнату для нас в двухкомнатной квартире в доме, принадлежащем Министерству обороны на набережной им. М. Горького (сейчас Космодемьянской), откуда мы переехали в 3-х комнатную кооперативную квартиру у метро «Юго-Западная», когда Саше исполнилось 5 лет. Из этой квартиры мы в 1992 г. уехали в эмиграцию.

Сначала нам пришлось туго: Саша снял нам квартиру на улице Main, главной улице города Redwood City на 3-м (последнем) этаже над магазином. Крыша быстро прогревалась, становилось душно, кондиционера не было, работы не было, ни у Инны, ни у меня, Инна стала давать уроки за какие-то абсолютно «смешные» деньги, на которые продержаться было невозможно.

Помог случай: в синагоге Betam Инна разговорилась с одной женщиной, её звали Barbara Illovsy, она оказалась математиком, работающим в De Anza College, и там на одну четверть (quarter) был нужен преподаватель математики. Мы тут же сняли квартиру в Cupertino и переехали в нее. Инну взяли всего на одну четверть, но по ее окончании контракт был продлен еще на одну, и так продолжалось лет 10, в конце концов, Инне предложили постоянную позицию, но она к тому моменту была смертельно больна и не могла ею воспользоваться. С Барбарой Инна подружилась настолько, что та предложила Инне работать в ее кабинете, где Инне был поставлен стол. Инна подружилась с еще несколькими преподавателями колледжа. Иннина доброжелательность и открытый нрав многим нравились. К нашему несчастью, Иннина болезнь (саркома мягких тканей) прогрессировала, и 18 мая 2005 г. Инны не стало...

Отдельно хочу сказать об Иннином необычайном чувстве ответственности и ее работоспособности. Преподавать на чужом языке, бытовую часть которого толком не знаешь, очень трудно, тем более что Инна, будучи высокообразованным математиком, читала все курсы, включая математическую статистику и

математический анализ. Единственный не прочитанный ею курс был «Дифференциальные уравнения» просто потому, что не предлагали. Но с математической статистикой были трудности, потому что в этом курсе очень большую часть составляют «бытовые» разговоры. Инна записывала текст, заучивала его, репетировала на слух (с той же Барбарой) и только потом читала в аудитории. Сохранились Иннины уроки по всем прочитанным ею курсам с подробной проработкой упражнений, многие из которых она придумала сама. Ей было свойственно совершенно нетривиальное мышление, позволявшее вовлекать студенческую аудиторию в лекционный процесс. У нее всегда были переполненные классы.

There ends the most my grandfather ever wrote about Inna in one sitting. There are other stories here or there, scattered throughout the rest of this text, and embedded in our family memory, but this consolidated narrative puts into perspective the scope of Inna's life, and the impact she had on not only Peter, but on everyone else around her.

I've been told that Inna was a tough woman. She passed her passion for mathematics on to both my father and my oldest brother, and her passion for teaching persists in my brother's life to this day. He credits her with his success often.

Though this narrative passage is perhaps more fact than story, to me it shows an incredible depth of love, if one is open to looking for it. He was endlessly proud of Inna's accomplishments, and her pain was his pain, always, from the discrimination she faced in the USSR, to the final battle she had with cancer. But her joy was his joy, too. That he kept her dissertation all these years, that when he died, eighteen years after her, he'd never taken his wedding ring off. That her belongings found new homes amongst his child and grandchildren, and that his friendship with her older sister blossomed, too. He was a remarkable man, who loved joyfully, something we all strive towards every day of our lives.

Peter and Inna were married forty-six years, but really, it's been sixty-four and counting. Death couldn't stop them, and now that their souls are reunited, may they love forever more.

СИРОТЫ | ORPHANS

СИРОТЫ | ORPHANS

Translation by Eva Nemirovsky

И сказала сирота сироте:
«Обними меня в своей пустоте.
Пусть потянутся года и века.
Ты мне будешь берега, я – река.
Вот сейчас я докурю, ты допьёшь.
Перестанем вспоминать и грустить.
Чуть отпустит набежавшая дрожь,
успокоится ладошка в горсти.»

Посмотрели сирота с сиротой
в небо полное пустой высотой.
Сколько лет ещё и сколько любви?
Не реви, пока вдвоём, не реви!

And the orphan said to the other:
“In your emptiness let me be smothered.
Let them drag on, the days and centuries.
You will be my bay, and I will be the sea.
Now I’ll finish my smoke, you your drink.
We’ll stop reminiscing the missing link.
The trembling that has set in will lessen, just a bit,
And the hand in hand will calm down by it.”

They looked, the orphan and the other,
At an endless sky with no cloud cover.
How many more years and how much love?
Don't sob, while we're together, don't sob!

КАРТОШКА С СЕЛЁДКОЙ

Written by by Eva Nemirovsky

You were a wealth of information
Delivered without hesitation.

That runs in the family, I suppose,
That need to share, to be heard,
To offer something that no one else knows
From a head
Shut behind closed doors.

You tried not to have any.
Closed doors, that is.
I could ask you anything, you'd say.
And I was never astray,
Though now I often am.

You had a lot of опыт.
More than me.
Different than mine.
You never held that against me, though.

You were never sad. Not really.
Even when things were tough,
You'd grin from cheek to cheek
Because happiness came easily.

I swear, you've been everywhere,
Even places that don't exist anymore,
And now, places that have yet to exist.
They say, when you're sad, you feel blue.
But to you, to me, blue was:
 The color of your eyes,
 Of your favorite shirt,
 Of the bird that flies
 To your beautiful spirit.

There are already cobwebs on your desk,
Yet I spoke to you recently
And although it's been years since we really spoke
I will love you ceaselessly.

Now, at least, I know how to do the following:

– To look for the bright spots

In life

In the everyday

And in beyond.

– To make the right sort of coffee.

In a джезва

On a stove

And don't let it run away (even though it certainly will).

– To smile wide, and smile often.

In the dark when no one's watching

In the sunlight on a hot day

And especially at home.

– And finally, that Sundays are for картошка с селедкой

And a big pot of a coffee

With your family

All around one table.

Thank you, дедушка, for bringing us all around one table!

Чтоб вы мне были!